

УДК 82-312.1
ББК 84(2=411.2)6

DOI: 10.31862/1819-463X-2020-4-11-17

МИФОЛОГЕМА ВОДЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ «РОМАНЕ О ВЗРОСЛЕНИИ» (А. Г. АРХАНГЕЛЬСКИЙ «БЮРО ПРОВЕРКИ», А. Н. ВАРЛАМОВ «ДУША МОЯ ПАВЕЛ», Е. Г. ВОДОЛАЗКИН «БРИСБЕН»)

Я. В. Солдаткина

Аннотация. В статье рассматриваются три современных русских романа о взрослении, которые объединяет общий год публикации (2018), описываемая позднесоветская эпоха и обращение к сюжету инициации. Интерес к историческому повествованию и запрос на нравственно-философскую проблематику объясняет подобное неслучайное внимание современных прозаиков к ювенильному герою. В центре мифопоэтической системы рассматриваемых романов находится мифологема воды. Ее многообразная символика связана с мотивами искушения, испытания, крещения, возрождения, с антитезой жизни и смерти, плотского и духовного. Водные образы используются для характеристики героинь романов, похожих на мифологических «русалок». Вода, традиционно означающая границу между мирами, в указанных текстах не только отмечает возрастной рубеж, но и формирует ситуацию нравственного выбора, которая свидетельствует о наступившей взрослости героев.

Ключевые слова: роман о взрослении, мифологема, мифопоэтика, инициация, символика, современная русская проза.

MYTHOLOGEM OF WATER IN THE CONTEMPORARY RUSSIAN
“COMING OF AGE NOVEL” (A. G. ARKHANGELSKY “CHECK OFFICE”,
A. N. VARLAMOV “MY SOUL PAUL”, E. G. VODOLAZKIN “BRISBEN”)

Ya. V. Soldatkina

Abstract. The article deals with three modern Russian novels about coming of age, which are united by a common year of publication (2018), the described late Soviet era and an appeal to the plot of initiation. The interest in historical narrative and the demand for moral-philosophical problems explain such a non-random attention of modern prose writ-

© Солдаткина Я. В., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

ers to the juvenile hero. At the center of the mythological and poetic system of the novels under consideration is the mythology of water. Its diverse symbolism is connected with the motifs of temptation, trial, baptism, rebirth, with the antithesis of life and death, carnal and spiritual. Water images are used to characterize the heroines of novels that resemble mythological „mermaids”. Water, which traditionally means the border between the worlds, in the above texts not only marks the age limit, but also forms a situation of moral choice, which indicates the current maturity of the heroes.

Keywords: *coming of age novel, mythologem, mythological and poetic, initiation, symbolism, contemporary Russian prose.*

Тема взросления, история становления и взаимодействия молодого героя с семьей и обществом в прозе конца 2010-х гг. приобретает особую актуальность. В своей статье «О двух романах 2018 года в свете проблем взросления» Е. А. Погорелая указывает на неслучайность обращения к подростковой проблематике в современном мировом контексте, когда, с одной стороны, именно эта возрастная группа задает тенденции массовой медиакультуры, но при этом рассматривается как наиболее уязвимая в психологическом, социальном и даже семейном планах – с другой. Для анализа критик избирает «Пищевлок» А. В. Иванова и экспериментальный роман в рассказах К. Букши «Открывается внутрь», объединяя эти тексты идеей предупреждения: «Книги о том, к чему приводит отсутствие внутренней зрелости» [1, с. 115]. Однако перечень романов о взрослении, увидевших свет в 2018 г., двумя названными не исчерпывается. Как минимум, еще три автора в тот же период обращаются к ювенильному персонажу: А. Г. Архангельский в «Бюро проверки», А. Н. Варламов в «Душа моя Павел», Е. Г. Водолазкин в «Брисбене», причем у Варламова и Архангельского, как и у Иванова в «Пищевлоке», повествование синхронно приурочено к 1980 г. – году московской Олимпиады.

Такое внимание к герою-юноше, фактически начинающему свой осмысленный жизненный путь на глазах читателя и приходящемуся ровесником современному поколению «бумеров», рожденных в 1960-х, представляется неслучайным. Помимо ак-

туализации в современной прозе элементов и жанрово-стилистических примет «романа воспитания», рассматривающего влияние социокультурных обстоятельств на формирующуюся личность (З. Прилепин «Санька», «Обитель», Г. Яхина «Зулейха открывает глаза», «Дети мои», А. Дмитриев «Крестьянин и тинейджер», отчасти М. Петросян «Дом, в котором...» [2]), эти романы могут быть отнесены к распространенному и очень востребованному в современной литературе историческому направлению, нацеленному на осмысление советского прошлого, путей его философской, моральной и социальной интерпретации в современных культурных условиях. В этом отношении обращение к позднесоветской эпохе начала 1980-х гг. позволяет, как это делает Водолазкин в «Брисбене», проследить напрямую все стадии взросления героя и его поколения: с детства и до сегодняшней зрелости, как наметив идею «связи времен», так и объяснив особенности мировосприятия и общественной позиции бывших юношей 1980-х (Архангельский и Варламов), в частности, понятие о верности и предательстве, механизмы взаимодействия с тоталитарной системой, поиски смысла бытия, обретение Бога и переживание таинства крещения в советской атеистической действительности.

В центре рассматриваемых произведений – сюжетно-смысловой комплекс инициации, нравственного испытания героя, его проверки «на взрослость», который при этом осложняется имманентной для романа воспитания темой правдоискательства,

поскольку «роман воспитания особо акцентирует такие психологические структуры, как самоотречение и самопреодоление, рождение нового сознания в ходе напряженной борьбы со старым, конфронтация идей, взаимоисключающих состояний, диалектику формирования духовного мира героя» [3, с. 266]. Таким образом, выбирая в качестве протагониста «молодого героя», нуждающегося в самоопределении, сталкивающегося с выбором не просто жизненной стратегии, но самых глубинных – нравственных и онтологических – оснований существования, романисты получают возможность обратиться к сложной аксиологической проблематике, раздвинуть рамки исторического контекста и заострить для аудитории экзистенциальный аспект повествования.

В стилистическом плане и А. Н. Варламов, и Е. Г. Водолазкин относятся исследователями к мощно развивающемуся в современной прозе неомодернистскому направлению [4; 5], которое по-своему преломляет традиции модернистской литературы с ее конфликтом творческого героя «художника» и окружающего социума «толпы», с ее символическим противостоянием смерти мечтам о духовном бессмертии, которое реализуется в том числе и с помощью активного использования мифопоэтического материала, иногда – посредством создания разветвленной мифопоэтической системы. В этом отношении роман А. Архангельского ближе к неоромантической традиции, но за счет многообразного обращения к христианской метафорике и православной обрядности в «Бюро проверки» актуализирован ряд универсальных общекультурных мифологем в их специфически христианской семантике, помогающих наполнить сюжет взросления многообразными внутренними подтекстами, расширяющими семантику и исторический контекст произведения.

В инициационных моделях одна из ведущих ролей отводится воде – как мифологеме, ритуальному компоненту очищения, физической и метафизической границе

жизни и смерти, детства и взрослости, обыденного и идеального миров и т. д. Соответственно, и для исследуемых романов мифологема воды становится ключевой.

Диапазон мифопоэтических значений концепта «вода» крайне широк. Вода относится к универсальным архетипам, связанным как с космогоническими мифами, так и с образами зачатия, оплодотворения и рождения новой жизни. Многообразие семантических комбинаций, высокий символический потенциал способствует формированию амбивалентного восприятия воды даже в рамках единой культуры. В библейской картине мира вода – одна из первомаатерий, над которой веет Дух Божий в самом начале творения, – связана с обрядом омовения и таинством Крещения, с перерождением (в частности, земли после Потопа), но также является проводником гнева Божия (истории Потопа, Ионы во чреве китовом); морская вода вмещает в себя чудищ наподобие легендарного Левиафана. (За ритуальным омовением чужой жены Вирсавии подглядывает царь Давид во Второй книге Царств. Похоть приведет его к прелюбодеянию, убийству и последовавшим за его преступлением жестоким потрясениям в семье и государстве. Косвенно вода в этом сюжете выступает в одном ряду со страстью и гибелью.)

В фольклорной (в частности, индоевропейской) системе воззрений вода олицетворяет границу между мирами: река разделяет реальность и потусторонний мир, отделяет, как Стикс (Ахерон), живых от мертвых. Славянский рай «ирий», как и поэтический остров Буян, находятся в теплых морях, причем по дороге в этот потусторонний край необходимо преодолеть водную преграду (море, реку, колодец, водоворот). Неслучайно трансформация древнейшего мотива на позднеязыческой и средневековой почве порождает, с одной стороны, легенды о русалках [6] – неупокоенных женских душах, обитающих в том числе и в водоемах, соблазняющих и губящих смертных мужчин, но с другой – о граде Китеже, который сокрылся в озере Светлояре от

разрушения и скверны. Двойственность воды как пограничного пространства, сочетающего в себе зачастую противоположные характеристики, играет особую роль в мифопоэтике рассматриваемых романов – участвует в формировании значимых нравственно-философских антитез (быт и бытие, жизнь и смерть, добро и зло) и придает символическую семантику инициационному сюжету взросления как морального выбора.

Так, в романе Архангельского «Бюро проверки» вода вступает в ожидаемую оппозицию с огнем. Герой, приходящий к христианству, становится невольной причиной сельского пожара, который ему чудом удается загасить. Воспоминание об этом эпизоде как о собственной оплошности, как о грехе становятся определяющими для избрания героем максимально строгой канонической стратегии повседневного поведения: соблюдения всех постов и воздержание до свадьбы. Его любимая девушка, красавица-пловчиха, почти русалка (существо не из академического мира, к которому принадлежит сам герой), соглашается терпеть его аскезу – до того момента, когда жаркий солнечный день, купание в подмосковной реке, летняя гроза и жажда поддержки в сложной жизненной ситуации не понуждают героя преодолеть собственные запреты. Казалось бы, гроза как маркер Божьего гнева, особая связанность героини с водой и, конечно, со сферой запретного, сексуального, должны актуализировать именно пагубную, смертоносную мифопоэтическую составляющую воды. Но сюжет романа ведет героя к радикальному переосмотру оценок: все каноническое его обманывает, едва не приводит к аресту по политическим обвинениям, а любовь героини оказывается не соблазном, но своего рода Божьей помощью, Провидением, которое сопутствует герою. Тем самым мифологема воды действительно отмечает своего рода черту, которую герой переступает, его инициацию – и физическую, и человеческую, тот переход в новое состояние, которое оказывается, по мысли автора, совсем не

таким греховным, как этого можно было бы ожидать, исходя из прямолинейных трафаретных законов, которые игнорируют многозначность мира и человеческой природы. Амбивалентность мифологеми воды в данном случае идеально отражает и прозрачность «готовых», однозначных решений, и многомерность бытия и любви, открывающуюся герою.

Образ воды как инициационной границы актуализирует в своем романе «Душа моя Павел» и А. Варламов. В неомодернистском художественном пространстве повествования вполне реально-историческое неубранное колхозное поле, на которое брошены студенты филфака МГУ, соседствует с узнаваемыми фольклорными топонимами: темной рекой, дремучим лесом, а также молодой студенткой, сманивающей наивного главного героя просьбой о помощи в пути: «Смеркаться стало, только когда они подошли к висячему мосту. За неизвестной быстрой речкой дорога резко повернула направо, и впереди показалась деревушка. Дома в ней располагались вдоль единственной улицы и только с одной стороны, а с другой протекала река, за которой начинался высокий хвойный лес. Река, должно быть, поднялась после дождей и подтопила берег, и дома и деревья отражались в покойной коричневой воде» [7, с. 287–288]. Приметы иного мира – фольклорного «того света» – узнаются в этом описании достаточно легко, подмосковный хронотоп соприкасается с легендарным, мифологическим: в деревне Павла ждет банька на двоих с преобразившейся Людмилой, ведьмин приворот – травяной отвар и первая близость, которая не только маркирует его возмужание, но физически ставит его на грань жизни и смерти. За речным рубежом не знавший до того греха Павел оказывается уязвимым для козней нечистой силы, которым он поддается, казалось бы, с радостью, но от которых Божьим промыслом уходит к храму и новой воде – на сей раз крещальной.

В символическом плане взросление Павла совпадает с его «рождением свыше»:

его, больного в лихорадке, крестит поп заброшенной (укрытой в лесу) церкви, обладающей даром отмаливать грешников и воскрешать мертвых. Можно сказать, что Павел, как настоящий сказочный протагонист, в тридевятом царстве проходит испытание мертвой и живой водой. Первая, приворотная, посвящает его в мужчины и улучшает его внешность – избавляет от юношеских прыщей. Собственно, в мифологический функционал мертвой воды входило, помимо общеизвестного сращения костей и плоти, и очищение кожи и наведение порчи [8, с. 185–186]. Живую же воду, которая должна вернуть его из пределов царства мертвых, омываемых коричневой рекой, аналогичной фольклорной смрадной, зловонной реке Смородинке, в пространство живых, Павел собственноручно таскает из последних сил, чтобы наполнить ею крещальную купель: «Поп взял воду в ковш и принялся лить расплавленный жидкий лед на горячую Пашину голову, на спину, на все его пылающее тело» [7, с. 318].

Возвращение героя из забытья и «временной смерти» в реальность сопровождается не только длительным пребыванием в больнице, но и символическим путешествием вдоль берегов нескольких морей и рек – от северных к западным и южным, от холода и пронизывающих ветров – к дымящейся терпкой реке, от нее – к «литорали» (географическому названию приливно-отливной океанской зоны), к нейтральной полосе между сушей и морем, а в мифопоэтической системе романа – между жизнью и смертью. Топография потустороннего пути Павла определяется христианскими преданиями, апокрифическими сочинениями и даже литературными заgrabными травелогами, но именно вода в разных своих агрегатных состояниях вычерчивает маршрут Павла, в итоге приводящий его обратно, в мир людей, в обновленное крещением, болезнью и пережитым искушением естество. Варламов непротиворечиво сочетает фольклорные и библейские значения мифологемы воды, хотя очищающая, просветляющая семантика в романе в итоге доминирует. Свою будущую лю-

бовь Павел встречает как раз после ее пробежки и купания в холодном пруду – «с мокрыми спутанными каштановыми волосами» [7, с. 344], то есть преображенную водой, непривычную и оттого по-настоящему прекрасную. Отметим, что в обоих романах образ возлюбленной героя характеризуется через связь с водой, что, с нашей точки зрения, указывает на авторское переосмысление «русалочьих» мифопоэтических мотивов.

Если у Варламова и Архангельского в мифологеме воды актуализирована, помимо инициационной, «живительная», обновляющая, возрождающая семантика, то в романе Е. Водолазкина «Брисбен» та же водная стихия, река-пограничье наделены значительно более угрожающими, смертоносными оттенками. Писатель обращается к уже указанному фольклорно-мифологическому комплексу, который находит свои параллели и в русской литературе (например, у Н. В. Гоголя и М. А. Булгакова): тринадцатилетний герой становится невольным свидетелем гибели юной купальщицы. Ее красота, распущенные волосы, плетеный браслет на руке сближают ее с образами русалок-утопленниц, а героя вводят в ужаснувший его взрослый мир – мир смерти и женской прелести (сексуальности). Впечатление оказывается настолько сильным, что в дальнейшем Глеб не просто избегает пляжей, но, влюбляясь, ассоциирует свою возлюбленную с погибшей девушкой (а воду, желание, интимную близость – со смертью): «Глеб вспомнил погибшую Арину – и понял, что она и была его единственной любовью. Как он посмел не остановить ее, идущую на пляж, почему не схватил за руки и не оттащил от воды? Да, это было бы грубо и наверняка вызвало бы удивление, но какое это имело бы значение в сравнении с спасенной жизнью? Не объясняя ничего, он покрывал бы ее лицо поцелуями, и она бы его, конечно, простила» [9, с. 119]. Очень характерная для прозы Водолазкина взаимосвязь взросления, секса и смерти, религиозно-мифологическая по своей сути, в «Брисбене» решается через обращение к мифологеме реки как преддверия царства взрослости и смерти.

Впоследствии тяжело больная приемная дочь ставшего музыкантом Глеба сочиняет песню об улетающих в небо утках. В этом тексте также переплетаются мотивы воды и смерти: «Взмыли, безголосые/ Сосредоточенно,/ Будто в небе озеро/ Такое точно./ Поплывут в безветрии те, кто добрались./ Для симметрии/ Головами вниз» [9, с. 336]. И если ее песня неявно отсылает к знаменитому вопросу об утках и смерти, заданному Холденом Колфилдом, героем одного из самых знаменитых романов о взрослении «Ловец во ржи» Дж. Сэлинджера, то первый сюжет о неспасенной незнакомке напоминает и, собственно, блоковскую «Незнакомку» («И очи синие бездонные/ Цветут на дальнем берегу»), и прецедентный для нее миф об Орфее, где, как и в романе Водолазкина, герой-музыкант, даже пересекая реку Аид, не способен спасти от смерти любимое существо. Река, озеро – вода в романе образуют своего рода антитезу небу. Из многообразия значений мифологема воды Водолазкин выбирает те, что позволяют ему создать символический образ смерти в ее противопоставлении с небом как символом вечной жизни, спасения, жертвенности. Как видим, в «Брисбене» женские персонажи сохраняют более традиционную, фольклорно-архаическую «русалочью» семантику, которая позволяет автору подчеркнуть травматичность инициационного комплекса, его сопряженность с образами искушения, боли, небытия, а также – с чувством вины

мужающего героя за невозможность спасти от воды/смерти ни ту купальщицу, ни приемную дочь.

По нашим наблюдениям, в сюжете инициации мифологема воды в рассматриваемых романах о взрослении наделена универсальными значениями и функциями: во-первых, вода входит в древнейший ритуально-инициационный комплекс, который в той или иной мере воспроизводится в повествовании; во-вторых, за счет амбивалентности мифологема воды писатели существенно расширяют спектр оценок происходящего с ювенильными героями, когда искушение и вкушение запретного ведет не к смерти/уничтожению, но к перерождению и обновлению; в-третьих, в текстах мифологема воды вступает в разнообразные оппозиции (вода и огонь, мертвая и живая вода, вода и небо), которые в конечном итоге служат для усиления онтологического, бытийного звучания романов, переводя социально-историческое повествование в мифопоэтически-философское. Мифологема воды символически маркирует инициационные стадии, через которые проходят герои трех романов: пробуждение сексуальности (встреча с возлюбленной-«русалкой»), столкновение с моральной дилеммой, выбор пути между смертью и жизнью (крещение, новое рождение, раскаяние), становясь в поэтике романов не только атрибутом процесса духовного роста, но и знаком взросления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Погорелая Е. А.* О двух романах 2018 года в свете проблем взросления // Вопросы литературы. 2019. № 6. С. 104–116.
2. *Мескин В. А., Гайдаш Л. В.* Роман М. Петросян «Дом, в котором...» в контексте литературной традиции магического реализма // Вестн. Российского ун-та дружбы народов. Сер.: Литературоведение, Журналистика. 2019. Т. 24, № 3. С. 404–413.
3. *Шалимова Н. С.* Роман инициации как инвариантная форма романа воспитания // Вестн. Красноярского гос. пед. ун-та им. В. П. Астафьева. 2014. № 4. С. 265–268.
4. *Солдаткина Я. В.* Неомодернистские тенденции в современной русской прозе // Литературоведение на современном этапе: Теория. История литературы. Творческие индивидуальности. Вып. 2: к 130-летию со дня рождения Е. И. Замятина. По материалам международного конгресса литературоведов: в 2 кн. Кн. 2 / сост. Н. Н. Комлик. Тамбов, 2014. С. 377–381.

5. Кротова Д. В. Современная русская литература. Постмодернизм и неомодернизм. М., 2018. 224 с.
6. Зеленин Д. К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки. М., 1995. 432 с.
7. Варламов А. Н. Душа моя Павел. М., 2018. 384 с.
8. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 1. М., 1995. 416 с.
9. Водолазкин Е. Г. Брисбен. М., 2018. 416 с.

REFERENCES

1. Pogorelaya E. A. O dvukh romanakh 2018 goda v svete problem vzrosleniya. *Voprosy literatury*. 2019, No. 6, pp. 104–116.
2. Meskin V. A., Gaydash L. V. Roman M. Petrosyan “Dom, v kotorom...” v kontekste literaturnoy traditsii magicheskogo realizma. *Vestn. Rossiyskogo un-ta druzhby narodov. Ser.: Literaturovedenie, Zhurnalistika*. 2019, Vol. 24, No. 3, pp. 404–413.
3. Shalimova N. S. Roman initsiatsii kak invariantnaya forma romana vospitaniya. *Vestn. Krasnoyarskogo gos. ped. un-ta im. V. P. Astafieva*. 2014, No. 4, pp. 265–268.
4. Soldatkina Ya. V. Neomodernistskie tendentsii v sovremennoy russkoy proze. In: Komlik N. N. (comp.) *Literaturovedenie na sovremennom etape: Teoriya. Istoriya literatury. Tvorcheskie individualnosti. Iss. 2: k 130-letiyu so dnya rozhdeniya E. I. Zamyatina. Proceedings of International Congress of Literary Critics: in 2 vols. Vol. 2*. Tambov, 2014. Pp. 377–381.
5. Krotova D. V. *Sovremennaya russkaya literatura. Postmodernizm i neomodernizm*. Moscow, 2018. 224 p.
6. Zelenin D. K. *Izbrannye trudy. Ocherki russkoy mifologii: Umershie neestestvennoy smertyu i rusalki*. Moscow, 1995. 432 p.
7. Varlamov A. N. *Dusha moya Pavel*. Moscow, 2018. 384 p.
8. Afanasiev A. N. *Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu*. Vol. 1. Moscow, 1995. 416 p.
9. Vodolazkin E. G. *Brisben*. Moscow, 2018. 416 p.

Солдаткина Янина Викторовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской литературы XX–XXI веков Института филологии Московского педагогического государственного университета

e-mail: yav.soldatkina@mpgu.su

Soldatkina Yanina V., ScD in Philology, Associate Professor, Professor, Russian Literature of XX–XXI Centuries Department, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University

e-mail: yav.soldatkina@mpgu.su

Статья поступила в редакцию 13.05.2020

The article was received on 13.05.2020